

Александр Пученков

Ленин — великий сказочник?*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Is Lenin a great storyteller?

DOI: 10.31857/S0869568722040288, EDN: JCAIUI

Монография С.Л. Фирсова посвящена одной из самых ярких и противоречивых фигур в мировой истории — В.И. Ульянову (Ленину), о котором уже более ста лет спорят, пытаясь понять, демонизировать, идеализировать, карнавализовать. При этом отделить реальные факты его биографии от мифа, ставшего основой представлений не только обывателей, но и многих профессиональных историков, — задача чрезвычайно трудная и даже почти невыполнимая: с 1917 г. до настоящего времени легенда о Ленине остаётся интереснее и *живее* собственно исторического деятеля, который, вероятно, был бы чрезвычайно раздосадован появлением не только огромного количества связанных с ним небылиц и произведений «житийного» рода, но и иных научных сочинений, выходящих как в нашей стране, так и за рубежом. О Ленине, как констатирует Фирсов, «не только писали, но и много пишут сегодня. Появляются объёмные монографии, в которых предпринимают-

ся небезуспешные попытки открыть лик “подлинного Ильича”, работы о его частной жизни, о его слабостях и увлечениях, о его родословной и много ещё о чём... Ленин вызывает интерес, волнует, раздражает, восхищает. “Историческая давность” над ним не властна. По этой причине жив и ленинский миф» (с. 9).

В этой неисчерпаемой лениниане глубокая и серьёзная книга профессора Фирсова стоит несколько особняком. Историк специально оговаривает в предисловии, что его труд «не есть биография Ленина» (с. 7), а попытка исследовать именно возникновение ленинского мифа: того, как он складывался, жил и трансформировался «как на официальном, так и на неофициальном (“народном”) уровне», с той оговоркой, что «в советский период Ленин был персонажем не прошлого, а “настоящего” и “будущего”» (с. 9). Создатель большевистской партии и Советского государства изображался мифотворцами как идеальный правитель, гениальный интеллектуал,

---

* *Фирсов С.Л.* Ленин: сотворение мифа. СПб.: Вита Нова, 2019. 544 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

творческое наследие которого неисчерпаемо и способно дать ответ на любой вопрос политики и идеологии. Его образ был прочно связан с коммунистической «религией»: «Миф о Ленине-“герое” позволял описывать былое таким образом, чтобы выходить на вопрос о настоящем, существующем ради светлого будущего. Если в мифе форма тождественна содержанию, то в ленинском мифе — тем более. Он должен был назидать, просвещать и укреплять нового “верующего”, для которого понятие “коммунизм” и персона Ленина, сохранявшаяся нетленно в мавзолее, существовали “в неотчётливом разделении” того, что корректно назвать “существом и его именем”. Ленинский миф родился не на пустом месте, он был подготовлен всем ходом развития русской радикальной интеллигенции, которая издавна имела собственные святцы с именами героических борцов» (с. 12). В советское время Ленин воспринимался миллионами людей как безусловный моральный авторитет и пример для подражания, однако и после распада СССР «десакрализация образа вождя не остановила распространения ленинского мифа, ленинской сказки». Напротив, как утверждает учёный, «“Сказка” стала “былью”, соединившись с ней в неразрывное целое» (с. 14–15).

В первой главе исследователь пытается показать героя будущего мифа «без грима» и понять, «каким видели и каким описывали Ленина его современники» (с. 21–95). Это представляется вполне оправданным и не нарушает логику книги, поскольку формировавшаяся легенда не могла обойтись без «преданий», связанных с очевидцами, соратниками и ближайшими учениками.

До 1917 г. «Ленин пленял людей не внешностью, а убеждённой в собственной правоте, “бешеной”

энергией и способностью целиком отдаваться делу... его поступки действительно определялись его характером — бескомпромиссным, жёстким, волевым. Его дела, мысли и идеи были завязаны в единый узел и определялись поставленной в юности целью. Если верно утверждение о том, что стремления человека формируют его судьбу и служат его меркой, то ленинские стремления следует признать важнейшим фактором его развития не только как политического деятеля, но и как человека. Единственной любовью Ленина была революция, он мечтал о коренных изменениях и глобальных потрясениях. Несмотря на то что он, как и все люди, жил в “настоящем”, это “настоящее” он более всего и ненавидел. Его характер закалялся и укреплялся в этой ненависти (и этой ненавистью), вероятно, получив идейную “огранку” тогда, когда произошла семейная трагедия — был казнён старший брат» (с. 37). Примечательно, что уже в молодости Ленин воспринимался единомышленниками как человек, панибратство с которым, по сути, невозможно: «Особо доверительных отношений (отношений близкой дружбы) у Ленина почти ни с кем не было, хотя с начала 1890-х годов около него была “целая политическая свита”. В течение жизни он был в хороших отношениях не менее чем с сотней лиц, но на “ты” почти ни с кем не переходил... То же самое касалось и соратников по совместной революционной деятельности» (с. 42).

Затем «в течение нескольких месяцев 1917 года Ленин превратился в фигуру европейского масштаба, его имя для многих стало нарицательным (в зависимости от политических убеждений воспринимаясь либо положительно, либо отрицательно). С тех пор и до настоящего времени он “жив”, поскольку его имя вызывает определённые чувства, рождает

эмоции». При этом, полагает автор, произошло своеобразное поглощение Ульянова политиком Лениным, в результате которого «политический “грим” закрывает от исследователя истинное лицо вождя и с течением времени начинает восприниматься как неотъемлемая часть ленинского облика» (с. 65).

Вторая глава «На пути к мифу, или о пользе чтения биографий вождя» (с. 96–226) посвящена анализу официальных жизнеописаний, выходявших массовыми тиражами в СССР. Уже при Сталине в них излагалось своеобразное «житие» учителя, оставившего после себя «заветы». Соответственно «И.В. Сталин и выступал в роли “хранителя заветов”, объяснял их важность, советовал помнить и знать их. Биография Ленина должна была стать оружием такого познания, но оружием, которое проверил и одобрил к применению новый вождь. Поэтому задача создания “канонически правильного” образа Ильича становилась задачей государственной, а её скорейшее выполнение — насущной потребностью сталинской идеологической машины» (с. 194). Тогда же утвердилась нехитрая схема советской истории, закреплённая в формуле «Сталин — это Ленин сегодня». Да и после XX съезда и развенчания «культы личности» ситуация не изменилась: непогрешимый Ленин и созданные им партия и учение оставались главными столпами советской власти, а биография вождя мирового пролетариата являлась важнейшим элементом не только коммунистической доктрины, но и воспитания новых поколений вплоть до последних лет существования СССР. Её коррективна была невозможна, как и «ревизия» ленинских идей. По словам Фирсова, «это был религиозный подход к ленинизму» (с. 224).

Анализируя наиболее позднюю по времени написания «классическую»

двухтомную биографию Владимира Ильича, опубликованную в 1985 г. и весьма характерную для советской ленинианы, исследователь констатирует, что в ней «Ленин-человек полностью нивелирован, зато хорошо просматривается вождь и учитель. Потенциальный читатель, знакомясь с материалом этих глав, мог узнать только об общественно-политической деятельности Ленина — о том, как он борется против своих оппонентов, как и о чём пишет книги (и что это за книги), для чего и почему издаёт газеты и журналы, борется за укрепление социал-демократической партии, участвует в её съездах и совещаниях. Места для полноценного разговора о Ленине-человеке не оставалось» (с. 223–224). Тем самым, «забалтывая вопрос о будущем ленинизма фразами о его вечной актуальности, составители “Биографии” окончательно закрывали от взоров собственных читателей “реального” Ленина. Пророк не может быть близок простому смертному, на то он и пророк. Ленин же был больше, он был новым “богом”, утверждавшим веру в то, чего никто из смертных никогда не видел — в коммунизм. Вера — любимое дитя чуда, без которого существовать она не может. В “Биографии” Ленина утверждалась истинность его “благой вести”... Мечта сливалась с именем Ленина, “растворяя” его в себе самой, превращая в легенду» (с. 225).

Будучи известным специалистом по истории Церкви, Фирсов не мог не уделить внимание и «истории мифа о “ленинской религиозности”» (с. 250–280). Подробно рассматривая отношение Ульянова к религии, автор, в частности, указывает на то, что этот воинствующий атеист, безбожник и богоборец, будто бы ещё в гимназии выбросивший свой нательный крестик в выгребную яму, уже в зрелом возрасте как минимум дважды прини-

мал участие в церковных таинствах: в 1893 г. стал крестным отцом дочери ссыльного А.А. Шухта, а в 1898 г. — венчался с Н.К. Крупской. Впрочем, «в дальнейшем никаких отношений с религиозной жизнью он не имел» (с. 254—255). В последние месяцы перед смертью, тяжело переживая унижительную для него физическую недееспособность, Ленин, несомненно, искал утешения вовсе не в вере, а скорее в отчаянной надежде когда-нибудь вернуться к политической деятельности. Как полагает Фирсов, «Ленин вполне серьёзно думал о том, что жизнь заканчивается тогда, когда умяляются до минимума силы, позволяющие вести революционную борьбу, — “жизнь” и “борьба” были для него синонимами» (с. 256). Мёртвый же Ленин стал «вечно живым» олицетворением могущества созданных им учения, партии и государства.

В целом, «парадоксы восприятия “вечно живого”» и размышления про «обожествление смертью» занимают в книге едва ли не центральное место: различные аспекты данной темы рассматриваются в двух из пяти главах монографии (с. 227—314, 380—493). Впрочем, помимо этого читатели узнают немало интересного о Ленине как герое анекдотов (с. 336—356), о его изображениях «в уголовных татуировках» (с. 356—367) и «на советских деньгах и марках» (с. 368—379). Но, разумеется, сам автор видит в данных разделах лишь «наброски к теме» (с. 315), нуждающейся в дальнейшей детальной разработке.

«Вместо заключения» автор почему-то предложил читателям «базальные рассуждения о силе мифа» (с. 494—495) и «Post Scriptum, или Слово о “пасхальных яйцах” для Ильича», где говорится уже про «пасхальный поход П.Н. Грудинина и Г.А. Зюганова к Мавзолею» (с. 495—497). Видимо, полноценный рассказ о мифе

не мог обойтись без той или иной его актуализации. Фирсов уверен в том, что «история, рано или поздно, превращается в миф. Только исследователи прошлого пытаются “очистить” от него “то, что было на самом деле”». Их усилия оцениваются не всегда позитивно, потому что человек любит сказку, любит жить в сказке, мечтать о “сказочной жизни”. В этом смысле Ленин — великий сказочник, ибо сумел не только поверить в себя, в своё дело, в свой “миф”, но, главное, передать эту веру, “заразить” ею других. Многие ли могут похвастаться таким успехом? Многие ли могут сказать, что на их предложение сделать “сказку — былью” откликнутся не то что страны — континенты?» (с. 494).

С.Л. Фирсов взялся за большое и трудоёмкое дело: «ленинский миф» давно нуждался в специальном изучении. Для критического осмысления советского прошлого необходимо отделить созданный политическими наследниками и биографами-мифотворцами образ «В.И. Ленина» от реального исторического деятеля, неизменно подписывавшегося «В.И. Ульянов (Ленин)» или пользовавшегося псевдонимом «Н. Ленин», но не смешивавшего с ним собственное имя, подмена которого — первый шаг к мифологизации. В конечном счёте это — долг памяти перед незаурядным человеком, сколь бы спорной и неоднозначной ни была его роль в истории России. Судьба же легенды о «В.И. Ленине», ставшей самостоятельным фактором партийной, государственной, общественной и культурной жизни в СССР, пожалуй, ещё более сложна и многообразна, чем подлинный путь профессионального революционера, ставшего первым председателем Совнаркома. Книга С.Л. Фирсова охватывает лишь небольшую часть этого айсберга, но она открывает широкую перспективу для дальнейшей работы.